ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.
ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея[1]

НАРАСТАНИЕ ВРАЖДЕБНОСТИ СРЕДИ ИУДЕЕВ. ИИСУС ВСЁ БОЛЬШЕ УДАЛЯЕТСЯ ОТ НАРОДНЫХ ТОЛП И СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ НА УЧЕНИКАХ. 11:2 – 18:35

ПОСЛАНЦЫ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. 11:2–19 (Лк. 7:18–35)

2 Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих
3 сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? 4 И сказал
им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: 5 слепые прозревают
и хромые ходят, прокажённые очищаются и глухие слышат, мёртвые воскресают и
нищим благовествуется; 6 и блажен, кто не соблазнится о Мне. 7 Когда же они пошли,
Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли,
ветром колеблемую? 8 Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие
одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. 9 Что же смотреть
ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. 10 Ибо он тот, о котором
написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой
пред Тобою. 11 Истинно говорю вам: из рождённых женами не восставал больший
Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. 12 От дней же Иоанна
Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие
восхищают его, 13 ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. 14 И если хотите
принять, он есть Илия, которому дóлжно придти. 15 Кто имеет уши слышать, да слышит!

16 Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и,
обращаясь к своим товарищам, 17 говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали;
мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. 18 Ибо пришёл Иоанн, ни ест, ни пьёт; и

---

[1] Перевод: *игумен Петр (Мещеринов)*. Редакторы: *Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева*.

говорят: в нём бес. 19 Пришёл Сын Человеческий, ест и пьёт; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость делами её.

Это евангельское повествование непросто понять – как отдельные высказывания, так и весь фрагмент в целом, что и породило множество различных толкований. Одно из лежащих на поверхности толкований таково: Иоанн, находясь в темнице, сам начинает сомневаться в мессианстве Иисуса. **(3)** Отсюда и его вопрос, и ответ Спасителя, содержащий одновременно и упрёк, и увещевание, обращённые к Иоанну (ст. 6). Последующая речь Иисуса об Иоанне, так высоко почитаемом в народе, призвана рассеять неблагоприятное впечатление, которое мог бы произвести на слушателей его столь тревожный вопрос. Впрочем, само по себе такое сомнение (из-за которого некоторые критики даже отвергают историчность всего эпизода) не противоречит святости Крестителя. Даже облагодатствованный Богом пророк может переживать часы искушения, колеблющего его веру. Но то, что Иоанн не утратил веры, достаточно ясно следует уже из того, что он обращается за ответом именно к Самому Господу, по поводу Которого испытывает сомнение. Кажущееся противоречие в таком поведении объясняется тем, что когда человек глубокой религиозной жизни подвергается подобному искушению, в нём одновременно присутствуют и вера, и неверие, причём вера, хотя и затемнённая в сознании, на деле продолжает определять всю внутреннюю направленность человека. Колебания Крестителя вполне объяснимы. Иоанн указывал на приближающегося Мессию как на строгого Судию, Который «уже держит лопату в руке, чтобы очистить Своё гумно». В этом он следовал ветхозаветным пророкам, которые не отделяли друг от друга первое пришествие Мессии ради искупления и Его второе пришествие для суда. Но то, что он слышит в темнице о делах Христовых, нигде не обнаруживает никаких признаков суда. Иисус мирно странствует по стране, проповедуя и исцеляя, – отсюда и сомнения. **(4)** Итак, согласно разбираемому толкованию, ответ Иисуса, явно отсылающий к мессианским пророчествам Исаии, должен побудить Иоанна задуматься над тем, что уже сами эти дела Иисуса суть дела Мессии, а значит, Иисус и должен быть обетованным Мессией.

Однако это толкование не может удовлетворить нас, поскольку оно мало соответствует самому тексту. Прежде всего, Иоанну уже известно о делах Христовых по рассказам, дошедшим до него в темнице. Зачем же Иисус повторяет ему то, что тот и без того знает и о чём сам может судить? И почему Он не говорит прямо, какой именно вывод Иоанн должен из этого сделать, – так что этот вывод вкладывают в уста

Иисуса приверженцы вышеизложенного толкования? Далее, из речи Спасителя об Иоанне вовсе не видно, чтобы у людей возникло какое-либо неблагоприятное впечатление о нём, которое Иисус должен был бы или хотел устранить. Слова́ о колеблемой трости и изнеженном человеке не означают, будто Иисус отводит от Иоанна некие укоры, как если бы Он говорил: «Не считайте же его ни колеблемой тростью, ни изнеженным, бесхарактерным человеком», – как это понимают те же толкователи. Напротив, Спаситель опирается именно на то глубокое уважение, каким Креститель бесспорно пользовался в народе, чтобы раскрыть его предназначение как непосредственного предтечи Мессии. Следовательно, весь этот эпизод нужно объяснять иначе, ближе к тому, как его с глубокой древности понимали церковные толкователи.

Иоанн, пребывая в темнице крепости Махеро́н, расположенной на горе высотой 726 метров на восточном берегу Мёртвого моря, конечно же, слышал о и проповеди, и о чудесах Иисуса. Это, несомненно, дела «Христа», то есть Мессии, что́ Матфей подчёркивает, заменяя здесь этим титулом обычно употребляемое им имя «Иисус». Но всё же Иоанну недостаёт самого важного: несмотря на дела Мессии, которые Иисус непрестанно совершает, Он ещё ни разу открыто и недвусмысленно не назвал Себя Мессией. Этого промедления Иоанн понять не может, поскольку сам ещё со времени крещения Иисуса ясно указывал на Него как на Мессию. Всё больше ему представляется необходимым, чтобы Иисус, наконец, прямо объявил Себя Мессией – не только ради народа, но и ради учеников Иоанна, большинство из которых ещё не стали последователями Христа. Такое прояснение положения должно было заботить Крестителя ещё и потому, что он предчувствовал: дни его земной жизни сочтены. Поэтому он хочет побудить Иисуса к такому исповеданию самым официальным способом, какой ему доступен, и для этого посылает к Нему делегацию учеников, которые от его имени задают соответствующий вопрос.

У Иисуса, однако, до сих пор были и по-прежнему остаются веские основания не объявлять Себя открыто и недвусмысленно Мессией перед всем народом – ибо иудеи с их чисто земными представлениями о Мессии сделали бы из этого совершенно ложные и опасные выводы (ср. Ин. 6:14–15). Спаситель не уходит от ответа и даёт разъяснение ученикам Иоанна во всеуслышание, отвечая Иоанну столь же официальным образом, каким тот обратился к Нему с вопросом. Но делает Он это так, чтобы люди, способные к более глубокому размышлению, смогли Его понять, а Ему Самому не пришлось бы произносить мессианский титул, который народ так легко мог истолковать превратно. Правда, Иисус скромно говорит о мессианских делах в

обезличенной форме, не именуя Себя Тем, Кто их совершает. Но тем яснее для понимающих звучит увещание, обращённое, по сути, не к одному Иоанну, но прежде всего к его ученикам и всему народу: **(6)** «Блажен, кто не соблазнится о Мне». Здесь прямо назван Тот, Кто совершает действия, обозначенные в предыдущем предложении обезличенно. И эти слова, подобно предшествующим, напоминают слушателю, знакомому с книгой пророка Исаии, о том, что Мессия будет человеком, вызывающим у многих преткновение и соблазн (Ис. 52:14 и далее).

(7–9) Ученики Иоанна ещё не успели уйти, как Иисус призывает народ, питающий огромное уважение к Иоанну, глубже задуматься об этом необыкновенном человеке и увидеть, что Иоанн не только пророк – он непосредственный предтеча Мессии. Но тем самым Иисус свидетельствует и о Самом Себе как о Мессии – ибо хотя Он прямо не именует Себя этим титулом, смысл Его слов настолько ясен, что слушатель, способный хоть немного рассуждать, не может понять их иначе. Таким образом, Спаситель в той мере, в какой это было возможно при данных обстоятельствах, действительно даёт разъяснение, которого требовал Иоанн, и вся Его дальнейшая речь последовательно раскрывает ту же мысль, что и ответ ученикам Иоанна: «вы, конечно, не для того ходили в пустыню, чтобы посмотреть, как колеблется на ветру тростник; и не для того, чтобы повидать обычного человека, живущего ради своего удобства, – но чтобы увидеть пророка». Убеждение, что Иоанн – настоящий пророк, подобный одному из знаменитых древних пророков (ср. 21:26), было всеобщим. Иисус подтверждает это убеждение: да, Иоанн не принадлежит к той массе безвольных людей, которые, заботясь лишь о собственном благополучии, колеблются туда и сюда в зависимости от того, куда подует ветер по воле сильных мира сего. Он – подлинный пророк, один из немногих, кто, будучи глубоко укоренён в Боге, имеет мужество бескомпромиссно свидетельствовать о Нём.

(10) Но он – больше, чем просто пророк: он сам выступает как предмет пророчества. Малахи́я, последний пророк Ветхого Завета, указал на него как на предтечу Мессии. В тексте Малахии (3:1) это место звучит несколько иначе, чем его приводит Иисус: *вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придёт в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идёт, говорит Господь Саваоф*. «Ангел Завета», согласно еврейскому параллелизму, тождествен Самому Богу, – следовательно, придёт Сам Бог, и именно Ему приготовит путь предвестник. Нечто очень похожее мы встречаем и у Иезекииля: в одном месте у него говорится, что непосредственно Бог будет Пастырем Своего народа (Иез. 34:11), а в другом – что Бог поставит над ними

Пастыря, Своего раба Давида (Иез. 34:23). Такая неопределённость выражений объясняется тем, что в Ветхом Завете тайна Пресвятой Троицы ещё не была открыта, на неё только намекалось в образах. Соответственно, и вочеловечение Второго Лица Божества предвозвещалось лишь прикровенно. Иисус намеренно изменяет слова пророчества: вместо «предо Мною» говорит «пред Тобою» – и тем самым проясняет его смысл: здесь подразумевается Лицо, отличное от Отца, – Сын, Который должен прийти как Мессия.

(11) Будучи предтечей Бога-Мессии, Иоанн – «величайший из всех рождённых жёнами». Однако Царство Небесное, которое приносит Бог-Мессия, столь велико и столь превосходит всё человеческое, что перед ним меркнет даже величайший из людей – «меньший в Царстве Небесном больше его». Сравнительная степень здесь употреблена в значении превосходной – это свойственно греческому койнé того времени, поэтому «меньший» означает «самый малый». Конечно, этим вовсе не отрицается причастность Иоанна к Царству Небесному (на богословском языке мы бы сказали «причастность к спасающей благодати»). Но поскольку он как Предтеча ещё принадлежит Ветхому Завету, эти слова относятся и к нему. Впрочем, его ветхозаветность уже не всецелая, как у древних пророков: с его служением начинается Новый Завет, потому что именно он – обетованный предуготовитель путей Бога-Мессии.

(12) «От дней Иоанна Царство Небесное силою берётся». Это место породило множество толкований, вплоть до самых произвольных. В соответствии с контекстом правильнее всего было бы перевести «Царство Небесное с боем прокладывает себе путь». Буквальный смысл допускает и другое прочтение – «оно терпит насилие», то есть «его берут приступом». Поскольку Царство Небесное есть нечто совершенно новое, приходящее свыше, словно дух и огонь (ср. 3:11), оно отнюдь не вырастает из Ветхого Завета путём спокойного, естественного развития. Напротив, оно, можно сказать, с революционной силой обрушивается на обветшавшее старое, стремительно прокладывая себе путь, чтобы занять его место. Поэтому упорные приверженцы старого, закосневшие в нём, подобно книжникам и фарисеям, никогда не могут постичь его (ср. 9:16–17). Лишь люди решительные, способные вместить новый огненный дух, усваивают его себе. Такими людьми были все святые, – но и каждый христианин в свою меру должен быть человеком такого склада, ибо ему надлежит в каждодневной борьбе вырываться из обольщений земной жизни и проникать в небесный мир веры. И ничто не представляет большей опасности для христианства, чем обманчивый компромисс между земным и небесным царством, когда человек полагает, будто

исполнением нескольких культовых предписаний он уже достаточно удовлетворил призывам Евангелия и потому во всём остальном может целиком предаваться удобствам здешней жизни. Ничто так не противоречит огненному духу Иисуса (Лк. 12:49).

Итак, с приходом Иоанна Крестителя наступил великий перелом. **(13)** «Все пророки и закон прорекли до Иоанна» – здесь Закон и пророки уже названы вместе как части единого Писания; ещё яснее это видно из слов Луки (*Закон и пророки до Иоанна*, 16:16). Уже более четырёхсот лет минуло с тех пор, как прекратилось служение пророков. Все эти века у народа Божия оставался лишь отзвук их слов в Писании. Теперь и он, исполнив своё предназначение, умолкает. Время пришло. **(14)** Если только люди могут и хотят вместить эту великую, едва постижимую истину, к которой ведут Закон и пророки, – то вот она. Завершающее слово Священного Писания Ветхого Завета исполнилось в Иоанне: *вот, Я пошлю к вам Илию пророка перед наступлением дня Господня, великого и страшного* (Мал. 4:5). **(15)** «Кто имеет уши слышать да слышит!» – Иисус и в самом деле не мог бы яснее сказать то, что хотел услышать Иоанн. Эти слова должны были открыть уши и глаза всякому Его современнику, кто, не будучи опутан исключительно земными надеждами на Мессию, ещё мог постичь вышеестественность Самого Мессии и Его де́ла.

Но, к несчастью, мало кто был к этому способен. Люди, живущие поверхностно, только земным, не хотят сообразовываться с истиной – им нужно, чтобы истина сообразовывалась с их хотениями. **(16)** «Род сей» подобен детям, которые на улицах и площадях, по внезапной перемене настроения, играют то в свадьбу, то в похороны и сердятся на товарищей, если те не успевают подстроиться под их очередную прихоть. Так же непостоянны были люди в своём отношении к Крестителю и Сыну Человеческому. Сначала их привлекало покаянное рвение строгого подвижника Иоанна, и они толпами приходили поглядеть и послушать. Но потом его суровая жизнь стала казаться им противоестественной – и тут же готово их безжалостное суждение: «в нём бес». **(18)** Сын Человеческий живёт среди людей вполне по-человечески – и о Нём они судят ещё более надменно и грубо: **(19)** «вот человек, который любит есть и пить вино – буквально "обжора и пьяница", – друг мытарям и грешникам». Между тем это суждение о Спасителе весьма показательно. Тот же Сын Божий, Который с непреклонной последовательностью предъявляет каждому человеку высочайшие нравственные требования и через всевозможные страдания и жертвы во все времена очищает души Своих учеников, неотступно ведя их к совершенной святости, – при

всём том «дружен с грешниками». Он знает нашу немощь и потому не оставляет никого, в ком теплится хоть искра доброй воли.

«И оправдана премудрость делами её», – завершает Иисус Свою речь. Его современники в массе своей оказались слишком косны, чтобы всерьёз задуматься и понять и Предтечу, и Его Самого. Иначе они увидели бы, что обоих одушевляет одна и та же божественная премудрость, направляющая каждого соответственно их особому призванию, – отсюда и столь разный образ их жизни. Предтече поручено проповедью покаяния – метанойи, перемены внутреннего строя мыслей и чувств – подготовить народ к тому, чтобы он принял Мессию. Поэтому и всем своим обликом ему надлежит наглядно показать разрыв с этим грешным миром. В Сыне же Человеческом, пришедшем с небес, чтобы божественным милосердием привлечь к Себе всех труждающихся и обремененных, не должно быть суровости, которая отталкивала бы и пугала слабых людей. И пусть народ судит об этом сколь угодно поверхностно и злонамеренно – «премудрость оправдывается своими делами». Весь образ жизни Предтечи и Спасителя, благословенный успех их де́ла показывают, что ими руководит высшая мудрость и что она ведёт их верно. Так бывает всегда. Кто даёт Богу вести себя, никогда не встретит одобрения толпы, – поэтому ему не следует смотреть ни налево, ни направо. Пусть смотрит прямо на цель – тогда он идёт верным путём.

У Луки (7:35) вместо «делами премудрости» стоит «чадами». Тот же вариант встречается и в значительном числе рукописей и древних переводов Матфея[2]. Правильный вариант, несомненно, «делами». Причина разночтения – в арамейском тексте. Поскольку в арамейском гласные не записываются, одно и то же слово עבדיה можно прочесть и как *abadeh* (дела), и как *abdeh* (слу́ги). «Слуги» по-гречески передаются словом παῖδες, которое может означать также «дети». В свою очередь, в учительных книгах Ветхого Завета часто говорится о детях Премудрости, причём в греческом тексте здесь почти всегда употребляются τέκνα или υἱοί («сыновья»). Вероятно, этим и объясняется, почему на месте двузначного παῖδες у Луки стоит τέκνα.

ГОРЕ НЕВЕРУЮЩИМ ГОРОДАМ. 11:20–24 (Лк. 10:12–15)

20 Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись: 21 горе тебе, Хоразѝн! горе тебе, Вифсаи́да! ибо если бы в Тире и Сидо́не явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись, 22 но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. 23 И

[2] Также и в церковнославянском, и в синодальном переводах.

ты, Капернау́м, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; 24 но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.

Эти слова могли быть сказаны и не сразу после предыдущих. Лука приводит их в связи с наставлениями, которые Иисус дал семидесяти двум ученикам, посылая их на проповедь. **(20)** Оборотом «тогда начал Он укорять», подразумевающим продолжающееся действие, Матфей хочет подчеркнуть, что с той поры, когда равнодушие и неверие жителей этих городов становились всё заметнее, Иисус не раз обращался к ним с подобными упрёками. **(21)** Хораз́ин упоминается в Новом Завете только здесь и в параллельном месте у Луки (10:13). Он располагался примерно в получасе ходьбы к северу от Капернау́ма (ныне развалины Керазе́). Вифсаи́да («рыбацкие дома»), основанная тетрархом Филиппом и получившая второе имя Юлиада в честь Юлии, дочери Августа, лежала на восточном берегу Иордана, близ его впадения в Геннисаретское озеро. Неподалёку произошло насыщение пяти тысяч человек, а перед этим были совершены другие чудеса (Лк. 9:10). Кроме того, Марк рассказывает об исцелении там слепого (Мк. 8:22 и далее). Больше о делах Иисуса в этом месте ничего не сказано – отсюда ясно видно, как мало евангелисты стремились дать Его полное жизнеописание.

(22) Даже язычники Тира и Сидона покаялись бы, если бы у них совершилось столько чудес. В дни покаяния надевали одежду из грубой ткани, из которой обычно шили мешки, – она свободно свисала вдоль тела, и её подпоясывали верёвкой; голову посыпали пеплом, а иногда и садились в пепел. **(23)** Но наиболее горькие упрёки обращены к Капернауму. Фраза «и ты, Капернаум, до неба вознесшийся» может быть понята как «ты, который был вознесён до неба пребыванием и делами Христа в тебе». Однако, по-видимому, вернее чтение в виде вопроса: «Неужели ты, Капернаум, будешь вознесён до неба?» Этот вопрос – риторический: жители города как раз не верили ни Христу, ни Его делам. Иисус хочет сказать другое: «Неужели ты, столь гордо отвергающий даже Мои дела, ждёшь от Бога чего-то ещё большего?» «Нет, – возвещает Он городу, явно отсылая к Ис. 14:13 и 15, – низвергнешься в преисподнюю. Даже Содом стоял бы до сих пор, если бы ему была дарована та же благодать, что и тебе».

То же относится и к людям. Чем больше благодать, которую человек отверг по гордости и ожесточению, тем больше его ответственность за это.

ХВАЛА ОТЦУ И ПРИЗЫВ СПАСИТЕЛЯ. 11:25–30 (Лк. 10:21–22)

25 В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; 26 ей, Отче! ибо таково было Твоё благоволение. 27 Всё предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. 28 Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; 29 возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; 30 ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко.

(25) «В то время…». Слова, приведённые в стихах 25–27, Матфей присоединяет к предыдущему высказыванию Иисуса – они хорошо согласуются с ходом Его мыслей. Лука помещает их в ответе, который Спаситель даёт семидесяти двум ученикам по их возвращении (Лк. 17–22). Иисус далёк от того, чтобы падать духом и терять мужество, когда в Своём служении Он встречает равнодушие или неверие. Напротив, этот опыт даёт Ему повод прославить Отца, **(26)** проявлению суверенной власти Которого никакое ожесточение людей не может помешать. Он, «Господь неба и земли», от века установил определения Своей безусловной воли, – и эти определения исполняют даже злые люди, сами того не желая и не подозревая об этом. Небесный Отец намеренно «утаил сие», то есть скрыл всё, чем движим Иисус, всё Его мессианское служение, от «мудрых и разумных». «Мудрые» значит «учёные люди»: в еврейской речи «мудрец» – почётное звание книжника. Эти «мудрые и разумные» воображают, будто могут своим человеческим умом постичь мысли Божии (Ис. 55:8–9), – и совсем не замечают, что всей своей изощрённой учёностью лишь преграждают себе путь к истине. Их ум так запутывается в собственных рассуждениях, что теряет из виду действительность, а сердце при этом так надмевается, что начинает прямо-таки ненавидеть истину, не понятую ими, и старается её искоренить. Но великий Бог не идёт им навстречу. Свои тайны Он открывает младенцам, чей разум ещё не исказила никакая учёная казуистика и чей смиренный взор открыт для всякой даруемой им истины. Таково достойное хвалы решение всевластной и благодатной воли Божией. Она не признаёт никакой человеческой мудрости, но именно этим делает путь к Небу доступным всякому, даже необученному ребёнку, и не оставляет спасение достоянием узкого круга избранных книжников.

(27) Всю эту благодать и истину Отец передал Сыну: «всё предано Мне Отцом Моим». Слово «всё», конечно же, имеет более широкий смысл – всю божественную власть над миром (ср. 28:18). Но здесь имеется в виду прежде всего полнота истины и

благодати: «и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». В этой фразе заключён необычайно глубокий и богатый смысл. Сначала сказано, что никто не познаёт Сына, кроме Отца. По-гречески здесь стоит ἐπιγινώσκει («познаёт во всей полноте»). Очевидно, речь идёт не просто о знании Богом-Творцом Своих созданий – знании, с которым Бог *испытывает сердца и утробы* всех людей (Пс. 7:10; Иер. 11:20; Откр. 2:23). Из построения фразы видно, что имеется в виду познание особого рода, требующее божественной, бесконечной способности познания – говоря богословским языком, познание (ἐπιγινώσκειν) Богом-Отцом Иисуса как Сына, и, соответственно, такое же познание Сыном Божиим Своего Небесного Отца. Если же Сын, как познаю́щий, обладает той же способностью познания, что и Отец, и если Сам Он, как предмет познания, подобно Отцу, доступен лишь для бесконечной способности познания, то у Него с Отцом одна и та же бесконечная божественная сущность. Поэтому Иисус решительно противопоставляет это единственное в своём роде взаимное познание Отца и Сына всякому иному познанию. То познание, которое присуще Ему, как и Отцу, по само́й природе, – кому бы то ни было из творения может быть даровано лишь через Божие откровение. Посредник этого откровения – Сам Сын, посланный в мир. Он дарует его «кому хочет». Но поскольку Его воля во всём согласна с волей Отца, Он в Своём выборе исходит из тех же оснований, по каким было принято предвечное решение Отца о даровании благодати (ст. 25 и 26). Только «младенцам», или тем, которые сошли с гордого престола своего самомнения и отказались от собственных своевольных рассуждений, чтобы снова стать детьми во Христе (ср. 18:3), – Он открывает Отца, а вместе с Ним и Себя Самого.

Несмотря на все препятствия, многие добрые сердца́ жаждут Бога и хотят прийти к Нему. Это простые люди, на которых законники *наложили бремена неудобоносимые* (Лк. 11:46). Они изнемогают под этими бременами, трудятся, но нисколько не продвигаются вперёд, к своей цели. **(28)** Их-то Иисус и зовёт к Себе. «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Вместо невыносимого ига законнических предписаний им нужно взять на себя иго Христово и учиться у Него. **(29)** Тогда они узна́ют Его Самого и увидят, как Он отличается от этих надменных, бессердечных книжников, которые сами даже и *одним перстом своим не дотрагиваются* до бремён, возложенных ими на других (Лк. 11:46). Приходящие к Иисусу увидят, что Он «кроток и смирен сердцем», что Ему близки нужды других и что Он Сам несёт их бремя вместе с ними. Так они научатся и сами быть кроткими и смиренными, как Он, то есть обретут тот душевный строй «младенцев», детей во

Христе (18:3), какой по Божией воле необходим для спасения. Тогда они найдут то, чего до сих пор тщетно искали, – «покой душам своим». Вместе с тем их встретит и иго – крест, который Он Сам несёт впереди них (ср. 10:38). **(30)** Но это благое иго и лёгкое бремя, потому что это иго истины и благодати, и потому что Сам Христос помогает им его нести.